

ИЛЬЯ КОНОНОВ,

доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Луганского национального университета им. Тараса Шевченко

СВЕТЛАНА ХОБТА,

кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Луганского национального университета им. Тараса Шевченко

СВЕТЛАНА ЩУДЛО,

кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой правоведения, социологии и политологии Дрогобычского государственного педагогического университета им. Ивана Франко

Донбасс и Галичина в региональной системе Украины

Abstract

The article examines cognitive aspects of regional sociology when analyzing the regional system of Ukraine. It is shown that Ukraine is structured not only according to the relations between center and provinces, but also between two regional poles, namely Donbass and Galychyna that produce different perspectives on social development. Interaction between these regions gives a special dynamism to the regional system of Ukraine.

Теоретическая ситуация

Научный интерес к исследованию региональной системы Украины периодически подогревается политической актуализацией межрегиональных отношений в ее пределах в соответствии с избирательными циклами в на-

шей стране. Дело в том, что нынешняя партийная система Украины сложилась с привязкой к макрорегионам. Прежде всего это касается крупных парламентских партий, являющихся ведущими игроками украинского политического поля. Поэтому в предвыборных политтехнологиях непременно учитывается факт межрегиональных различий, а функционирование партийной системы в ее нынешнем виде способствует их воспроизводству, а порой и усилению. Наиболее драматично это проявилось в ходе острого общественно-политического кризиса второй половины 2004 года.

Предпосылки для формирования партийной системы с региональной привязкой существовали в самом украинском обществе, в его пространственных особенностях. Политики только воспользовались ими, но это имело своим результатом (возможно, не для всех предсказуемым) социальное конструирование политической нации Украины как многосоставной, пространственно разделенной, даже расколотой. Поскольку общество является саморегулируемой и самоорганизованной системой, то формирование политической нации, многосоставной по региональному признаку, объективно выдвигает перед государством требование активной региональной политики. Последняя должна опираться на региональные исследования, в которых ведущую роль призвана играть социология регионов, развитие которой в нашей стране приобретает чрезвычайный вес, исходя из потребностей национальной безопасности.

В социологическом сообществе Украины общественный запрос на исследования регионов далеко не сразу получил адекватный отклик. В первой половине 1990-х годов основное внимание обращали на проблемы социально-экономической трансформации украинского общества, проходившей в условиях системного общественного кризиса. Об исследовательских ориентациях, доминировавших в этот период, дают представление материалы Международной научно-практической конференции “Проблемы развития социологии на современном этапе (теоретические и методологические вопросы”, которую проводил Институт социологии НАНУ в 1994 году. А.Ручка в программном выступлении сказал: “В нынешней социально-экономической и политической ситуации главный интерес социологии должен концентрироваться на исследовании проблем системной трансформации украинского общества как целостности. Речь идет об изучении специфики, противоречий, тенденций и перспектив общественной трансформации в последнем десятилетии уходящего века” [1, с. 11]. Но к тому времени эмпирические исследования уже поставили под вопрос культурную целостность украинского общества, и наряду с такими переменными, как пол, образование, этническая и социально-профессиональная принадлежность респондентов, все больший вес приобретала их региональная идентификация [2, с. 232]. Уже в ходе референдума 1 декабря 1991 года обнаружились существенные отличия в политическом поведении жителей разных регионов Украины. На указанной конференции Ю.Давиденко даже предложил определенную классификацию регионов: “Учитывая характер и динамику электорального поведения жителей разных регионов республики, последние можно поделить на регионы с высоким и стабильным уровнем ориентации на поддержку независимости Украины (Западный, Северо-Западный), с высоким и нестабильным (Центральный, Северный, Юго-Западный), средним и стабильным (Киев), средним и нестабильным (Юго-Восточный, Северо-Восточный, Южный), низким и стабильным (Восточный), низким и нестабильным (Крымский). Приведенная выше

классификация воспроизводит уровень развития и стабильности национального сознания в разных регионах Украины” [2, с. 233].

Постепенное накопление эмпирического материала дало возможность во второй половине 1990-х годов перейти от изучения региональных особенностей общественных процессов к рассмотрению региона как отдельного объекта исследовательского внимания социологов. Исследования в области социологии регионов начались в нашей стране в рамках совместных с зарубежными исследовательскими центрами проектов. Данные, полученные в ходе реализации таких проектов, были в разной степени осмыслены и в разной мере отражены в публикациях. Мы здесь не ставим себе цель написать подробную историю становления отечественной социологии регионов. Остановимся лишь на тех работах, которые повлияли на формирование современной ситуации в изучении межрегиональных отношений в Украине.

Важный исследовательский проект начали осуществлять львовские социологи в 1994 году. Первый этап был реализован как совместный проект Львовского и Мичиганского университетов. Он был направлен на выявление личностных идентичностей жителей Донецка и Львова. Исследовательское поле этого проекта может быть локализовано в пределах как социологии регионов, так и социологии города. Но изучение идентичностей жителей крупнейших городов Донбасса и Галичины оказало существенное влияние именно на развитие социологии регионов в нашей стране. Первое осмысление полученных данных подтолкнуло авторов к выводу о радикальном отличии городских миров Донецка и Львова. Для львовян главной была идентификация себя как украинцев, а для донетчан — как советских людей [3, с. 110]. В дальнейшем опросы в Донецке и Львове проводились еще дважды (в 1999-м и 2004-м). К реализации проекта привлекались ученые из Канады и Швеции. Уже сопоставление результатов 1994 и 1999 годов дало основания говорить о постепенном сближении идентификационных моделей представителей трех поколений в этих городах. Н.Черныш и О.Маланчук писали: “Если во Львове среди всех трех поколений ведущие места стабильно занимают этническая украинская, локальные и общая региональная идентичности, то в Донецке — локальная региональная и женская гендерная. К тому же локальные региональные идентичности являются различными, поскольку опираются на разные идентитеты (львовянин и донетчанин), как и культурно-религиозные, связанные с двумя разными идентификационными практиками — в качестве православного или греко-католика. Но со временем появляется все больше схожих или близких идентичностей. Так, среди молодежи и людей старшего поколения — это прежде всего возрастная идентичность, нивелирующая региональную или любую другую идентичность. Устойчиво растет удельный вес украинской этнической идентичности; нами зафиксирован также рост рейтинга культурно-религиозной идентичности; в Донецке из списка наиболее выпуклых идентичностей исчезло отождествление себя с советским человеком” [4, с. 259].

Результаты этих исследований свидетельствовали в пользу того, что годы независимости Украины были временем значительной проблематизации идентичностей жителей Донбасса. Это касается как содержания идентичностей, так и их иерархии. Идентичности донетчан были более динамичными по сравнению с идентичностями львовян. Н.Черныш подытожила результаты проекта следующим образом: “Полученные данные засвидетель-

ствовавали стабільность исторически сложившейся идентификационной модели львовян и постепенное оформление идентификационной модели дончан с доминированием в ней локальной региональной “донецкой” идентичности. Для обеих моделей политическая идентичность не относится к наиболее значимым, а идентификация с “советским человеком” стремительно утрачивает свой вес и распространенность в обоих этих городах Украины” [5, с. 108].

Пионерской работой для становления социологии регионов в Украине стало совместное исследование А.Стегния и Н.Чурилова [6]. В этой книге обобщены данные, полученные в ходе реализации проекта “Регионы в Украине: динамика, движения и политика”. Его осуществлял научный коллектив в составе украинских, швейцарских и немецких ученых. Отметим несколько аспектов влияния этого исследования на развитие социологии регионов в нашей стране.

Во-первых, здесь были сделаны серьезные шаги на пути размежевания географических и социологических исследований региона. Подчеркнем, в географии региональная парадигма исследований является достаточно давней. Для географа регион — это “территория (геотория), которая по совокупности насыщающих ее элементов отличается от других территорий и характеризуется единством, взаимосвязанностью составляющих элементов, целостностью, причем эта целостность — объективное условие и закономерный результат развития данной территории” [7, с. 67]. Р.Дж.Джонстон считал региональную парадигму исследований в социогеографии (наряду с экспедиционно-исследовательской парадигмой и парадигмой географического детерминизма и поппулизма) одной из наиболее давних и стабильных. Он писал: “... “Классическое” региональное исследование обычно состояло в последовательном описании физико-географических черт (региона), его климата, растительности, сельского хозяйства, промышленности, населения и т.п. и в синтетическом обобщении карт индивидуальных явлений с целью создания сети гомогенных регионов” [8, с. 68]. Он зафиксировал некоторое разочарование в среде географов во второй половине XX века по поводу регионального подхода. Это было связано с несколькими факторами. С одной стороны, географы пришли к выводу, что региональная парадигма толкала их к попыткам охватить бесконечное, ведь возникшая проблема была связана с выделением наиболее низкого уровня регионализации. К тому же количество признаков региона менялось в зависимости от исследовательских задач и на практике оказывалось неисчерпаемым [8, с. 75.]. Еще одним важным фактором стало то, что в США возникла так называемая региональная наука. Р.Дж.Джонстон писал о ней так: “Это было результатом активности иконоборца-одиночки Уолтера Изарда — экономиста, включившего в модели пространственный компонент, частично с целью обеспечения более строгой теоретической базы для возникшей ранее дисциплины — городского и регионального планирования” [8, с. 112–113]. Региональная наука стимулировала изучение общественной пространственности в пределах географии, экономики, социологии и др. Стимуляционный эффект иногда возникал из-за стремления к противодействию. “Если регионалисты видели в географии в лучшем случае “потребителя законов” (других наук. — *И.К., С.Х., С.Щ.*), географы новых убеждений стремились к поиску специфических законов своей науки, которые можно было бы использовать и для объяснения региональных явлений” [8, с. 132].

Таким образом, в момент формирования социологии регионов отношение в социологии и в географии к региональной проблематике находилось в противофазе. Социология двигалась от игнорирования пространственных аспектов жизни общества к их активному изучению [9; 10], а география пыталась отойти от описательности в изучении географической оболочки Земли и перейти к открытию специфических законов пространственности [11].

А.Стегний и Н.Чурилов пришли к выводу о том, что “общность по месту проживания — это социологическая категория, отражающая связь людей, социальную связь, возникающую как результат этого совместного проживания при определенных условиях” [6, с. 5]. Важный вывод был сделан и в плане изучения региональной системы: “Поскольку регионы представляют собой элементы социальной структуры, то отношения между ними являются разновидностью системы общественных отношений. Это общностные, а не сущностные отношения” [6, с. 8]. Таким образом, социология регионов изучает не определенные территории, а общности людей, сформировавшиеся на этих территориях, а также связь этих сообществ в пределах региональной системы страны. В этих формулировках регионы и региональные системы выглядели еще внеисторическими, не будучи связанными с определенным типом общества. Но в целом было задано продуктивное направление развития социологических исследований региональной реальности.

Во-вторых, в упоминавшемся выше исследовании А.Стегния и Н.Чурилова была предпринята попытка целостного рассмотрения региональной системы Украины. Для этого сначала было проведено районирование ее территории. Посредством факторного анализа были выделены 10 макрорегионов нашей страны. Для вычислений использовались такие показатели, как уровень промышленного развития, уровень благосостояния населения, мера доступности культурных ценностей и национально-культурные особенности административных областей. В итоге полученные макрорегионы были типами областей [6, с. 13–30]. С современных позиций набор показателей для районирования выглядит весьма эклектично. Однако это вообще сложная проблема. Например, польский социолог Т.Зарицкий, изучая внутренние границы в Польше, не случайно вынужден был остановиться на таком показателе, как результаты голосований в ходе общенациональных выборов [12; 13; 14]. В этом случае исследователь имеет дело с деятельностным выражением характеристик именно территориального сообщества. Безусловно, это крайне генерализованное выражение, нивелирующее разнообразие мотивов индивидуальных действий. Но в изучении массовых социальных процессов и их распределения в пространстве подобное абстрагирование от индивидуальной сложности не только приемлемо, но и необходимо.

В-третьих, в работе А.Стегния и Н.Чурилова предложена характеристика регионализма в Украине как эмбрионального [6, с. 187]. Сам регионализм здесь рассматривается и как процесс локальной самоорганизации, возникший в условиях распада социалистического централизованного общества, и как общественное движение, направленное на артикуляцию интересов региона. Последний аспект связан с определенным проектом будущего региона, присутствующим в сознании элитных групп или широкой общественности. Авторы рассматривали четыре возможных проекта, или модели развития региона (модернистский, социальный, экологический и “самостийницко”/автаркический) [6, с. 121–123].

В-четвертых, рассматриваемое исследование положило начало ознакомлению украинского социологического сообщества с идеями западных социологов, уже довольно давно изучавших региональную проблематику. Главное внимание авторы уделяли достижениям цюрихского Культур-проспектив Института и идеям швейцарского ученого Ганса-Питера Майер-Далаха. Это давало представление о степени разработанности региональной проблематики в западноевропейской социологии.

За последние годы в социологии регионов произошли определенные сдвиги, связанные с уточнением ее объекта и предмета. Регион как объект изучения предлагают рассматривать исторически в качестве основного субнационального подразделения и не отождествлять его с другими формами пространственного деления обществ [15, с. 128–129]. До сих пор и в зарубежной, и в отечественной науке регионы часто понимают как различные пространственные части некоего социума. Так, В.Лаймгрубер считает, что регионы существуют с тех самых пор, с которых на Земле существует человек разумный [16, с. 1]¹. А.Пономарев начинает рассмотрение процесса формирования “региональной этничности” на территории Украины с VI века. Он считает, что “начиная с XI века основным компонентом этничности населения Руси-Украины становятся этнотерриториальные образования — исторически-этнографические регионы и их составляющие: этнические и этнографические земли” [17, с. 78]. Пока воздержимся от более детальных комментариев этих высказываний. Важно то, что социология регионов начала отличать регион от других пространственных морфологических единиц. Регион получает определение в теории нации как человеческой общности индустриального периода. Следовательно, регион не является чем-то вечным. В доиндустриальных обществах существовали другие пространственные морфологии (территории племен, исторические земли, провинции, земли городов и др.). Важным выводом последних лет можно считать то, что регионы существуют не сами по себе, а в пределах региональных систем [10, с. 74]. Значит, чтобы понять тот или иной регион, нужно понять соответствующую региональную систему, в пределах которой он возник и существует.

Становление нации предполагает в качестве своего пространственного аспекта становление региональной системы. В связи с этим подчеркнем, что регион не следует рассматривать как преимущественно экономическое образование. Он является образованием именно социальным. Это — этнокультурная территориальная общность, являющаяся вариативной частью нации. Будучи общностью, связанной с географическим пространством, регион выступает условием социального синтеза всех тех социальных и природных явлений, которые оказались в пределах этого пространства. Не случайно обратной стороной глобализации является интенсивная регионализация современного мира [18]. Часто в современных условиях именно этот (во многих случаях и для многих социальных субъектов “априорный”) пространственный синтез обеспечивает сохранение качеств социальности. Собственно, имеются основания говорить, что как раз это обстоятельство и обуславливает возрастание значения региональных идентичностей и регионального горизонта действий в современных обществах.

---

¹ Автор написал буквально следующее: “There is no doubt that regional disparities have existed since the advent of homo sapiens on earth”.

Вместе с тем, по нашему мнению, слишком оптимистичные оценки успехов социологии регионов были бы ошибочными. К тому же это помешало бы выделению проблемных зон в данной социологической дисциплине. Сейчас социология регионов находится в процессе становления, и для исследований в этой области в данное время характерна социографичность. Ее доминированием объясняется накопление большого и “сырого” эмпирического материала, который сам по себе, без серьезных теоретических обобщений не способен продвинуть вперед социологическое знание. Пока что теоретические конструкции заменяет набор мнений разных исследователей. Этот калейдоскоп концептуализаций *ad hoc* и составляет то, что сегодня можно назвать теоретической частью социологии регионов.

К недостаткам развития социологии регионов следует отнести также неразвитость диалогических отношений с другими науками, занимающимися региональной проблематикой. Пожалуй, особо полезен для определения современной теоретической ситуации в исследовании региональной системы Украины диалог с региональной экономикой. Экономисты, работающие с этой проблематикой, остро ощущают недостаточность сугубо экономического анализа динамики межрегиональных отношений. Экономические аспекты этих отношений можно понять, только “погрузив” их в общественный контекст. В этом диалоге может оказаться полезным не только совпадение выводов специалистов разных наук, но и противоречия между ними. Сквозь подобные противоречия могут высвечиваться весьма серьезные теоретические проблемы.

В этом контексте мы остановимся на одной из последних работ по региональной экономике Украины [19]. Ее авторы, И.Сторонянская и С.Шульц, пришли к выводу о том, что формирование собственной региональной системы Украины, как пространственного аспекта становления современной украинской нации, началось с экономической региональной дезинтеграции. Они связывают причины этого процесса с тем, что в СССР взаимосвязи между регионами Украины определялись в Москве и имели преимущественно не экономическое, а административное наполнение. Период с 1993 по 1999 год они определяют как “период дезинтеграции и сепаратизма” [19, с. 26]. В этот период для регионов более выгодными стали внешнеэкономические связи. Если в развитых странах мира на внешний рынок идет около пятой части производимой продукции, то в Украине в 1995 году эта доля достигала 41,9%, в 2000-м — 62,4%, а в 2005-м — 42,9% [19, с. 149]. Исследовательницы делают вывод: “Современному экономическому пространству Украины присуще явление дихотомии, проявляющееся, с одной стороны, в усилении экономической концентрации и, как следствие, чрезмерной локализации управления материальными и финансовыми потоками, а с другой — в увеличении степени экстерриториальности этих потоков” [19, с. 99]. Это ведет к поляризации экономического пространства, к углублению межрегиональной асимметрии. Так, 66,2% банковских активов сконцентрировано в Киеве [19, с. 97], он также притягивает более трети инвестиций [19, с. 151]. Возникло множество межрегиональных асимметрий: межрегиональная дифференциация по уровню заработной платы в 2005 году составляла 2,5 раза (Киев — 1725 грн, Тернопольская область — 727 грн) [19, с. 119]. Показательной, как пишут авторы, является дифференциация доходов и расходов местных бюджетов (вместе с трансфертами) в расчете на одного человека. В 2005 году эти доходы были максимальными в Киеве

(1634,5 грн) и в АРК (809,9 грн), а минимальными — в Луганской области (616,6 грн), то есть разрыв составлял 2,7 раза. Вместе с тем расходы местных бюджетов в расчете на одного человека были максимальными в Киеве (1677,2 грн) и АРК (754,9 грн), а наиболее низкими — в Луганской области (546,4 грн), то есть разрыв достигал 3,07 раза [19, с. 179]. Однако территория регионов в последние годы тоже существенным образом дифференцировалась. От 40% до 70% валового регионального продукта формируется в региональных центрах [19, с. 125]. Фактически общественное пространство страны распадается на разные жизненные миры.

И.Сторонянская и С.Шульц считают, что сейчас региональная система Украины начала двигаться в сторону интеграции. Они исходят из того, что любая региональная система последовательно проходит четыре цикла развития (дезинтеграции, усиления взаимодействия, интеграции и появления принципиально новых признаков, ведущих к новой дезинтеграции) [19, с. 23]. Эта конструкция выглядит несколько умозрительной. Вряд ли циклы межрегионального взаимодействия можно объяснить исключительно действием экономических механизмов. Это понимают и сами экономисты, когда рассматривают политические и культурные факторы, характеризующие общественное пространство нашей страны. Они пишут: “Коммерческие аргументы не могут быть определяющими для государственной региональной политики, направленной на обеспечение экономического пространства государства” [19, с. 218]. Политические институты могут даже оказывать преобладающее влияние на стихийные экономические процессы, характерные для межрегиональных отношений: “Даже если национальная экономика не является единым организмом (в случае ослабления межрегиональных связей), государственная межбюджетная политика делает ее таковой” [19, с. 32].

Не отрицая значения политической формы для межрегионального взаимодействия, с социологических позиций следует искать в самой региональной системе как совокупности территориальных общностных связей механизмы, обеспечивающие ее динамику и единство. При решении этой задачи можно опираться на определенные достижения социологии регионов. Ее развитие в последние годы способствовало созданию социологических портретов украинских регионов. Прежде всего это касается Донбасса [20; 21; 22]. Изучение Донбасса подводит к пониманию того, что его место в региональной системе Украины можно определить не только путем соотнесения с центром, к чему склоняет деление пространства мировой системы или определенной страны на центральную зону, полупериферию и периферию [23; 24]. Изучение места Донбасса в региональной системе Украины подводит к выводу о том, что эта региональная система является поляризованной, а полюсами выступают Донбасс и Галичина. В данном случае полюс региональной системы — это ее активная часть, самостоятельно продуцирующая общественный проект развития, отличный от проекта развития центра и от проекта другого полюса [25; 26]. Полярность относительно друг друга не следует толковать ни как непреодолимую межрегиональную враждебность, ни как смертельную опасность для целостности страны. Социологи вполне справедливо указывают на то, что иногда акторами более острого конфликтного взаимодействия выступают другие регионы. Так, нередко предметом беспокойства становится Крым. К примеру, А.Стегний указывает на то, что “в отличие от Донбасса, в АР Крым существует скорее не экономическая самодостаточность, а прежде всего социокультурная и идеологи-

ческая обособленность” [27, с. 120]. Чтобы разобраться с этим, нужно от-рефлексировать место Крыма в Украине. По нашему мнению, Крым нельзя сводить к обычному региону. Он в географическом (в том числе и социально-географическом) понимании является страной. Это обусловлено его определенной обособленностью от остальной Украины, его природной специфичностью, включающей и его внутреннее разнообразие. Полуостров имеет свою богатую историю, хотя эта история неоднократно прерывалась. С определенного периода она связана с историей Украины, но это не отменяет ее самостоятельности. Крымский социум в этническом, поселенческом и ментальном измерениях отличается от остальной Украины. Попутно заметим, что еще резче он отличается от российского общества. Как специфическая составляющая Украины Крым естественно существует как автономная республика. Автономная республика в пределах унитарного государства неотвратимо создает проблемы и требует сложных политических и социальных технологий. Впрочем, все это не превращает Крым в отдельный полюс украинской региональной системы.

Наиболее мощные и выразительные региональные проекты возникли в Донбассе и Галичине. Уже приходилось писать, что проект Донбасса предполагает формирование современной украинской нации как согражданства, а проект Галичины предполагает в качестве фундамента всех общественных лояльностей этническую лояльность [28, с. 6–11]. Оба проекта могут быть приемлемыми в определенных условиях, но в пределах одной страны они не могут быть реализованы одновременно. Более того, их невозможно сочетать друг с другом по принципу выбора лучшего. Оба проекта укоренены в истории названных регионов и вошли в ценностные устои самоопределения их жителей. То есть эти отношения (особенно после 2004 года) превращаются в важную научную и прикладную проблему для общественных наук.

Есть все основания для вывода о том, что и в дальнейшей перспективе развитие Украины во многом будет зависеть от взаимоотношений ее региональных полюсов — Донбасса и Галичины, а также от их отношений с центром. Именно эти отношения задают состояние региональной системы. Поэтому изучение отношений Донбасса и Галичины следует выделить в особое направление анализа в рамках социологии регионов. Именно это осознание побудило социологов Луганска, Дрогобыча и Львова объединиться в творческий коллектив, который поставил своей целью исследовать современное состояние отношений между Донбассом и Галичиной и их зависимость от процессов в самих названных региональных общностях. Этому посвящен наш совместный научный проект “Украина: образы регионов и межрегиональные отношения”, инициированный Луганским национальным университетом им. Тараса Шевченко, Дрогобычским государственным педагогическим университетом им. И. Франко и Центром по изучению общественных процессов и проблем гуманизма (г. Луганск).

На сегодняшний день в рамках этого проекта проведено два кросс-региональных опроса. Первый проводился в апреле — мае 2005 года. Тогда опрашивали только жителей Луганска ($N = 593$) и Дрогобыча ($N = 365$). В марте 2007 года проведен второй кросс-региональный опрос во Львове ($N = 375$), Луганске ($N = 363$), Дрогобыче ($N = 298$) и Стаханове ($N = 300$), а также в четырех селах Луганской ($N = 100$) и Львовской ($N = 100$) областей. Во всех населенных пунктах использовалась квотная, репрезентативная по признакам пола, возраста и образования выборка (разработчики: С. Хобта, Н. Дробаха). Поле-

вым исследованием в Луганской области руководили С.Хобта и Н.Дробаха, во Львовской области — С.Щудло и (в 2007 году) В.Савка. Математическая обработка данных средствами пакета SPSS осуществлена коллективом преподавателей кафедры философии и социологии Луганского национального университета им. Тараса Шевченко под руководством С.Хобты. Полученные данные нельзя рассматривать как репрезентативные применительно к Львовской и Луганской областям, но они дают представление об общественном мнении жителей соответствующих населенных пунктов, а их совокупность позволяет делать заключения о тенденциях общественного мнения соответствующих регионов (характеристики выборочных совокупностей см. в Приложениях).

Гипотезой нашего исследования предполагалось, что общее между Донбассом и Галичиной связано с социально-экономическими процессами и проблемами, а различия — с общественными проектами, базирующимися на различном культурном опыте регионов.

Региональные идентичности и авто- и гетеростереотипы

Сначала рассмотрим, как через идентификации разной силы жители обоих регионов позиционируются в общественном пространстве. В анкете общественное пространство представлялось как многомерное. Идентитеты связаны с теми местами общественного пространства, которые люди могут занять. Но самоидентификация с соответствующими группами может быть различной силы. Это создает определенные иерархии идентичностей. Наше исследование позволяет сравнить иерархии идентичностей в Донбассе и в Галичине. Мы не пытались давать исчерпывающий перечень идентитетов, что, в принципе, невозможно. Наша задача состояла в том, чтобы выяснить сходство и различия самоидентификации донбассцев и галичан относительно идентитетов, продуцирующих коллективные идентичности. В случае увеличения или уменьшения количества позиций возможны некоторые сдвиги и в иерархических рангах. Соответствующие данные приведены в таблице 1.

Следующим шагом анализа является ранжирование идентичностей для каждой поселенческой группы. Эти данные приведены в таблице 2.

Следует обратить внимание на первые 5 позиций, которые оказываются наиболее показательными в плане самоидентификации жителей двух регионов. Мы видим существенное сходство между жителями Донбасса и Галичины. Наибольшее значение для них имеет идентификация либо с первичными малыми группами (семья), либо с группами, где люди знают друг друга и испытывают друг к другу доверие (круг друзей, определенный трудовой/учебный коллектив). Это свидетельствует о глубинном сходстве населения Украины. Наши люди прежде всего являются людьми малых групп. Но такая констатация не дает оснований отнести наших граждан к классическим коллективистам. Их *Я-концепцию* вряд ли можно определить как “взаимозависимое Я”. Идентифицируясь с малыми группами, наши граждане, со своей стороны, пытаются центрировать их на себя, демонстрируя “независимое Я” [29, с. 71]. Следовательно, как на Востоке, так и на Западе наши граждане не являются ни классическими индивидуалистами, ни классическими коллективистами. Возможно, жители Галичины являются большими индивидуалистами, а жители Донбасса — несколько большими коллективистами. Это не отрицает их принципиального сходства в этом

вопросе. Однако у жителей Галичины в это идентификационное ядро входит общегражданская идентичность. Эта идентичность оказывается более сильной, чем региональная или поселенческая. У жителей Донбасса общегражданская идентичность близка по значимости к региональной идентичности. В обоих регионах к идентификационному ядру приближается также профессиональная идентичность.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
“Без каких из приведенных характеристик
Ваше представление о себе будет невозможно?”, %**

№	Варианты ответов	Луганск N = 363	Львов N = 375	Стаханов N = 300	Дрогобыч N = 298	Села Луганщины N = 100	Села Львовщины N = 100
1	Самостоятельная, суверенная, неповторимая личность	53,8	53,4	55,2	53,0	39,0	40,4
2	Член семьи	83,6	82,6	80,1	76,7	76,0	79,8
3	Член круга друзей	54,0	50,1	43,4	45,3	64,0	54,5
4	Член определенного трудового (учебного) коллектива	21,4	11,8	25,9	19,6	43,0	20,2
5	Человек, связанный с определенным кругом деловыми связями	10,9	12,1	8,8	8,4	15,0	7,1
6	Человек определенной профессии	25,9	23,3	26,6	30,4	30,0	25,3
7	Человек с определенным образованием	24,0	23,1	23,6	23,6	26,0	22,2
8	Человек определенных политических убеждений	9,7	11,8	12,8	24,0	20,0	13,1
9	Житель определенного населенного пункта	8,6	5,1	8,1	8,8	21,0	25,3
10	Житель региона	32,3	25,2	36,7	20,9	30,0	18,2
11	Гражданин Украины	36,8	57,4	34,0	59,8	31,0	69,7
12	Советский человек	10,9	1,9	10,8	2,4	3,0	3,0
13	Житель СНГ	3,9	1,1	9,1	0,3	7,0	2,0
14	Человек определенной религии	9,7	21,4	5,4	25,3	6,0	38,4
15	Европеец	7,0	9,9	5,4	13,9	3,0	11,1
16	Житель планеты Земля	24,5	14,7	15,8	11,5	18,0	17,2
17	Человек с определенными художественными вкусами (музыкальными, литературными и т.п.)	9,7	13,9	9,1	9,8	4,0	11,1
18	Другое	1,1	0,8	1,0	0,0	0,0	1,0

Примечание: сумма превышает 100%, поскольку респонденты могли выбирать несколько позиций.

Таблица 2

Иерархии идентичностей, ранги

№	Варианты ответов	Луганск	Львов	Стаханов	Дрогобыч	Села Луганщины	Села Львовщины
1	Самостоятельная, суверенная, неповторимая личность	3	3	2	3	4	4
2	Член семьи	1	1	1	1	1	1
3	Член круга друзей	2	4	3	4	2	3
4	Член определенного трудового (учебного) коллектива	8	12	7	10	3	8
5	Человек, связанный с определенным кругом деловыми связями	10	11	13	15	11	13
6	Человек определенной профессии	6	6	6	5	6	6
7	Человек с определенным образованием	9	7	7	8	7	7
8	Человек определенных политических убеждений	11	12	12	7	9	11
9	Житель определенного населенного пункта	12	14	14	14	8	6
10	Житель региона	5	5	4	9	6	9
11	Гражданин Украины	4	2	5	2	5	2
12	Советский человек	10	15	11	16	15	14
13	Житель СНГ	14	11	12	17	12	15
14	Человек определенной религии	11	8	15	6	13	5
15	Европеец	13	13	15	11	15	12
16	Житель планеты Земля	7	9	9	12	10	10
17	Человек с определенными художественными вкусами (музыкальными, литературными и т.п.)	11	10	12	13	14	12
18	Другое	15	17	16	-	-	16

Примечание: ранжирование осуществлено по 18-балльной шкале.

Рассматривая другие идентичности, стоит обратить внимание на большую значимость для галичан религиозной идентичности по сравнению с жителями Донбасса. Жители Донбасса еще иной раз идентифицируют себя таким идентитетом, как “советский человек”, хотя эта идентификация уже явно идет на спад. А у галичан она практически отсутствует. В определенной мере это соотношение проявляется и применительно к СНГ, хотя и в Донбассе этот идентитет очень слабый.

Сравнение данных 2007-го с данными 2005 года дает представление о подвижности определенных элементов в иерархии идентичностей. Так, в Луганске за два года несколько возросло значение идентитетов “гражданин Украины” (+5,5%) и “член круга друзей” (+15,8%). В Дрогобыче увеличился вес общегражданской идентичности (+7,7%) на фоне уменьшения веса региональной (-8,7%). В этом городе возросло значение идентификации с кругом друзей (+7,4%), с семьей (+9,7%) и уменьшилось — с самостоятельной, суверенной личностью (-4,7%) и определенной образовательной группой (-7,5%) [подр. см.: 28, с. 21]. Усиление общегражданской идентичности в обоих регионах можно истолковать как некоторое сближение Востока и Запада Украины за последние два года. Вместе с тем доминирование в обоих регионах фамилистских форм солидарности не способствует ускорению их сближения. Когда региональные общности состоят, будто из сухих песчинок, из малых групп, то в таких аморфных множествах усложнен совместный дискурс относительно сложных вопросов. Ф.Фукуяма писал, что для них характерен малый “радиус доверия” [30, с. 127]. Такие структуры способны скорее закреплять стереотипы и подвержены внешним манипулятивным влияниям.

Противоречия между регионами могут возникать только по поводу очень важных для них идентитетов. В нашем случае на такую роль могут претендовать лишь общегражданский, региональный и в определенной мере религиозный идентитеты. Это выдвигает задачу их более детального анализа в дальнейших исследованиях. Анализируемые данные позволяют посмотреть на эту проблему сквозь призму представления жителей обоих регионов о желаемой модели украинской государственности. Есть основания считать, что эта модель влияет на региональные идентичности. Обобщенные данные об этом содержатся в таблице 3.

Данные таблицы 3 подтверждают, что в Донбассе и в Галичине большинство населения поддерживают разные проекты развития страны. Проект Донбасса уже предложено рассматривать как проект согражданства. Согласно этому проекту современная украинская нация формируется как политическое образование. В этом политическом сообществе этничность во многом становится частным делом граждан. Украина развивается как многокультурное и поликонфессиональное государство. Проект Галичины в качестве основания для всех общественных лояльностей предполагает этническую и культурную лояльности. Следует отметить, что сейчас эти проекты конкурируют в масштабах Украины. Сторонники и одного, и другого есть в обоих ее регионах-полюсах. Полагаем, что это одна из весомых причин возникновения межрегиональной напряженности.

Имеющиеся общественные проекты, связанные с Донбассом и Галичиной, закрепляются в этих регионах системой авто- и гетеростереотипов. Проблема авто- и гетеростереотипов в межрегиональных отношениях исследована недостаточно. До сих пор этой терминологией пользовались в основном этносоциологи, которые путем сравнения этнических автостереотипов и гетеростереотипов измеряли межнациональную напряженность [31]. Однако этот инструментальный имеет потенциал для использования его и в социологии регионов.

В проведенном исследовании региональные авто- и гетеростереотипы измерялись по двум показателям: 1) представления об этнокультурных ха-

рактических характеристиках регионального сообщества; 2) представления о месте и способе позиционирования регионального сообщества в региональной системе Украины. Полученные данные лучше всего представить в табличной форме (табл. 4–7).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
“С какими из приведенных утверждений относительно
пути развития нашей страны Вы согласны?”, %**

№	Варианты ответов	Луганск N = 363	Львов N = 375	Стаханов N = 300	Дрогобыч N = 298	Села Луганщины N = 100	Села Львовщины N = 100
1	Украина — это прежде всего государство украинцев, которые должны иметь в своей стране определенные преимущества. Другие этнические группы должны с этим соглашаться	35,8	58,8	40,3	70,7	30,0	69,1
2	Украина — это государство всех граждан, независимо от их национальной принадлежности. Ни одна из этнических групп не должна в нашей стране иметь преимуществ	65,6	37,5	57,7	41,0	73,0	30,9
3	В Украине должен действовать принцип: “Одна нация, один язык, одна церковь”	22,6	55,5	16,1	53,8	26,0	57,7
4	Украина должна развиваться как многокультурное, многоязычное и поликонфессиональное общество	72,9	35,3	68,5	29,3	73,0	38,1
5	Для Украины будет благом, если большинство неукраинского населения выедет из страны	17,6	33,6	17,4	21,4	16,0	33,0
6	Для Украины будет благом, если здесь будут жить представители разных народов	61,7	27,2	57,4	23,4	66,0	29,9
7	Украина должна отказаться от культурного наследия царской России и СССР и в духовном плане развиваться на собственной почве	20,7	42,9	10,7	41,4	15,0	56,7
8	Украина должна сберечь все ценное из наследия царской России и СССР, сочетая его с собственной духовной традицией	63,1	21,0	64,4	11,7	80,0	21,6

Примечание: сумма превышает 100%, поскольку респонденты могли выбирать до 4-х позиций.

Таблица 4

**Луганская область. Распределение ответов на вопрос
“Какие из приведенных характеристик отвечают населению Донбасса,
а какие — Галичины?”, %**

№	Варианты ответов	Характеристики населения Донбасса, по мнению жителей:			Характеристики населения Галичины, по мнению жителей:		
		Луганска N = 363	Стаханова N = 300	сел. Луганщины N = 100	Луганска N = 363	Стаханова N = 300	сел. Луганщины N = 100
1	Преимущественно украинцы и национальные меньшинства, проживающие рядом с ними	8,4	18,3	4,0	37,2	40,2	28,0
2	Преимущественно русские и русифицированные представители других народов	45,7	47,4	30,0	2,4	7,2	1,0
3	Особое региональное сообщество, имеющее свои корни как в Украине, так и в России	39,4	27,7	48,0	1,8	5,5	0,0
4	Маргиналы, то есть люди, оторвавшиеся от своих корней	9,6	8,7	1,0	2,7	7,9	0,0
5	Особое региональное сообщество, имеющее свои корни как в Украине, так и в Польше	1,8	1,4	1,0	43,2	34,0	47,0
6	Затруднились ответить	14,0	17,6	16,0	23,1	24,7	24,0

Примечание: сумма превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько позиций.

Приведенные в таблицах 4 и 5 данные демонстрируют определенную конгруэнтность между авто- и гетеростереотипами, отображающими этнокультурную природу региональных сообществ Донбасса и Галичины. В какой-то мере нарушает взаимопонимание весьма распространенный среди галичан взгляд на донбассцев как на маргиналов. Но в целом жители обоих регионов имеют достаточно согласующиеся ожидания в плане этнокультурных реалий региональных сообществ. Это не означает, что совпадение авто- и гетеростереотипов не может порождать противоречий во взаимоотношениях между регионами. Наоборот, жители Донбасса и Галичины в основном осознают этнокультурные различия между их регионами. Эти представления в разных общественных контекстах могут быть как причиной межрегиональной напряженности, так и платформой для поиска компромиссов.

Таблица 5

**Львовская область. Распределение ответов на вопрос
“Какие из приведенных характеристик отвечают населению Донбасса,
а какие — Галичины?”, %**

№	Варианты ответа	Характеристики населения Донбасса, по мнению жителей:			Характеристики населения Галичины, по мнению жителей:		
		Львова, N = 375	Дрогобыча, N = 298	сел Львовщины, N = 100	Львова, N = 375	Дрогобыча, N = 298	сел Львовщины, N = 100
1	Преимущественно украинцы и национальные меньшинства, проживающие рядом с ними	5,8	5,6	5,0	71,6	59,9	63,0
2	Преимущественно россияне и русифицированные представители других народов	57,3	49,0	53,0	1,1	1,0	0,0
3	Особое региональное сообщество, имеющее свои корни как в Украине, так и в России	34,3	30,8	18,0	2,9	3,5	2,0
4	Маргиналы, то есть люди, оторвавшиеся от своих корней	26,5	29,0	10,0	3,7	3,5	2,0
5	Особое региональное сообщество, имеющее свои корни как в Украине, так и в Польше	2,0	0,0	2,0	37,8	39,7	30,0
6	Затруднились с ответом	16,7	17,5	17,0	7,7	14,3	4,0

Примечание: сумма превышает 100%, поскольку респонденты могли выбирать несколько позиций.

Совсем иное значение имеют авто- и гетеростереотипы, отражающие позиционирование Донбасса и Галичины в региональной общности Украины.

В этом случае мы наблюдаем зеркальную противоположность региональных авто- и гетеростереотипов в Донбассе и в Галичине. В каждом регионе преобладают позитивные автостереотипы и негативные гетеростереотипы. Полученные данные свидетельствуют также о наличии в общественном сознании обоих регионов предпосылок для диалога. Например, жители Донбасса считают, что Галичина сохранила свою культурную самобытность. Значительная часть галичан считают Донбасс самодостаточным регионом.

Вместе с тем подобная интенсивность негативных региональных гетеростереотипов в стране не может не беспокоить. Она служит свидетельством того, что украинское общество в данное время является расколотым. Расколы имеют разную природу. В противоречиях между Донбассом и Галичиной, наряду с прочим, отражены общественные травмы, полученные

нашим обществом в течение XX века. Травматическим был и опыт 2004 года. Выходит, данные противоречия нужно не замалчивать, а выяснять их общественную природу и применять для их лечения методы социальной терапии. Сейчас в мировой социологии это — одно из быстро прогрессирующих направлений исследований и прикладного применения знаний [32; 33; 34]. В мире есть страны, где подобные травмы куда страшнее. Достаточно обратиться к опыту Турции и прочитать тексты Орхана Памука. Учет такого опыта позволит выработать программу социальной терапии для межрегиональных отношений в Украине.

Таблица 6

**Луганская область. Распределение ответов на вопрос
“Какие из приведенных характеристик соответствуют Донбассу,
а какие — Галичине”, %**

№	Варианты ответа	Характеристика Донбасса в региональной системе Украины, по мнению жителей			Характеристика Галичины в региональной системе Украины, по мнению жителей		
		Луганска, N = 363	Стаханова, N = 300	сел. Луганщины, N = 100	Луганска, N = 363	Стаханова, N = 300	сел. Луганщины, N = 100
1	Регион, развитие которого должно стать моделью развития всей Украины	55,8	58,4	78,0	6,2	6,1	5,0
2	Глухая культурная провинция	10,8	14,8	1,0	41,7	37,9	45,0
3	Регион со средним уровнем развития	37,1	40,9	14,0	39,3	33,9	48,0
4	Агрессивный регион, пытающийся насаждать свои порядки во всей стране	12,3	13,4	16,0	62,1	51,4	65,0
5	Регион, вынужденный защищать свою специфику и право жить в соответствии со своим образом жизни	65,5	54,3	58,0	17,5	23,9	17,0
6	Регион с сильными сепаратистскими настроениями	16,4	12,0	22,0	36,4	30,0	33,0
7	Регион, где преобладают государственники, отстаивающие целостность страны	28,1	31,3	38,0	25,7	17,5	14,0
8	Самодостаточный регион	57,3	36,4	66,0	14,2	16,8	19,0
9	Регион Украины, сохранивший свою самобытность	19,3	19,6	17,0	53,6	42,5	59,0

Примечание: сумма превышает 100%, поскольку респонденты могли выбирать три позиции.

Таблица 7

**Львовская область. Распределение ответов на вопрос
“Какие из приведенных характеристик соответствуют Донбассу,
а какие – Галичине?”, %**

№	Варианты ответа	Характеристика Донбасса в региональной системе Украины, по мнению жителей			Характеристика Галичины в региональной системе Украины, по мнению жителей		
		Львова, N = 375	Дрогобыча, N = 298	сел. Львовщины, N = 100	Львова, N = 375	Дрогобыча, N = 298	сел. Львовщины, N = 100
1	Регион, развитие которого должно стать моделью развития всей Украины	7,7	11,6	22,0	52,0	54,8	49,0
2	Глухая культурная провинция	37,7	39,7	34,0	6,6	8,6	6,0
3	Регион со средним уровнем развития	40,0	33,2	26,0	39,0	31,5	47,0
4	Агрессивный регион, пытающийся насаждать свои порядки во всей стране	68,9	77,3	75,0	7,5	4,3	6,0
5	Регион, вынужденный защищать свою специфику и право жить в соответствии со своим образом жизни	20,6	17,7	19,0	45,4	49,8	50,0
6	Регион с сильными сепаратистскими настроениями	53,7	62,1	61,0	8,1	10,4	7,0
7	Регион, в котором преобладают государственники, отстаивающие целостность страны	9,4	11,6	16,0	47,1	52,0	46,0
8	Самодостаточный регион	33,4	32,5	28,0	32,4	27,6	26,0
9	Регион Украины, сохранивший свою самобытность	9,1	5,1	8,0	63,3	65,9	55,0

Примечание: сумма превышает 100%, поскольку респонденты могли выбирать три позиции.

Когда большинство жителей регионов не осуществляют взаимных посещений, это способствует закреплению стереотипов. Исходя из этого, программа внутреннего туризма в Украине вполне может выполнять социально-терапевтические функции. Но это только один маленький шаг на пути к смягчению межрегиональных противоречий. Дальнейшие шаги зависят от элитных групп. Именно от них потребуются непрерывная работа над решением данных проблем.

Может ли найти свое место в этом деле практика встреч шахтеров и гуцулов? В какой-то мере — да. Ведь как показало наше исследование, жители Донбасса и Галичины довольно редко посещают друг друга (табл. 8).

Таблица 8

**Распределение ответов на вопрос
“Как часто Вам приходится бывать в Галичине/Донбассе?”, %**

№	Варианты ответа	Луганск N = 363	Львов N = 375	Стаханов N = 300	Дрогобыч N = 298	Села Луганщины N = 100	Села Львовщины N = 100
1	Бываю несколько раз в год	2,8	2,1	3,3	1,0	1,0	5,0
2	Раз в год	4,4	3,5	3,0	3,4	1,0	1,0
3	Раз в несколько лет	13,2	9,9	3,8	9,1	9,0	11,0
4	Был всего раз	23,4	18,1	14,3	11,4	15,0	21,0
5	Никогда не приходилось бывать	53,7	64,8	68,7	74,2	74,0	59,0

***Межпредметные взаимодействия и перспективы
социологического изучения региональной системы Украины***

Подводя итоги, можно сказать, что проанализированные данные кросс-региональных опросов 2005 и 2007 годов свидетельствуют в пользу того, что региональной системе Украины присущи разные, порой взаимоисключающие тенденции развития. Прежде всего это касается несовпадения экономических, политических и культурных процессов в украинской региональной системе. Это несовпадение требует пояснений. В современной мировой социологии существуют теоретические направления, позволяющие это сделать. Имеется в виду подход к капитализму как к мировой системе. К сожалению, в современной региональной социологии к этому теоретическому направлению вообще не обращаются. В отечественной социологии оно анализируется исключительно в общетеоретическом плане [35; 36; 37]. Между тем для экономического развития нашей страны после обретения независимости важнейшим процессом было включение в мировую капиталистическую систему, поиск собственного места в ней. Этот процесс толкал Украину на периферию данной системы. Внутренними агентами периферизации страны, ее продвижения к постколониальному состоянию оказались разнообразные группы элиты, которая в то время активно формировалась. Для представителей этих групп прямой выход на мировой капиталистический рынок означал быстрое обогащение, а для страны в целом — движение от полупериферии к периферии. В свое время А.Г.Франк описал характерную для данного типа развития фрагментацию общественного пространства: “... Провинциальный капитализм, сам будучи сателлитом национальной метрополии — а последняя находится в таких отношениях с мировой метрополией — порождает собственные провинциальные центры, на орбитах ко-

торых возникают свои метрополии” [23]. Но в региональной системе оказались и силы, противодействующие этому движению. Частично они реализуются через государственную политику. Национальное государство, хоть и утратило часть своих регулирующих возможностей в условиях глобализации, все равно остается важным игроком в пределах капиталистической системы. Но далеко не все сводится к регуляционным влияниям государства. В начале статьи мы писали, что в самой региональной системе Украины с обретением независимости стали формироваться механизмы саморегуляции.

Наиболее развитый инструментарий для описания механизмов саморегуляции в различных системах дает информационный подход. Для случая географических систем его разработал А.Арманд. Он считает, что информационный подход имеет “широкие возможности сравнения объектов, отличающихся по физической природе, но являющихся близкими по структуре. Это дает возможность делать обобщения, находить закономерности, ускользающие из поля зрения при использовании других подходов. Для географии эта особенность информационного подхода имеет особую ценность в связи с нечеткостью ее закономерностей и с интенсивными попытками построить основания ее теории, которые предпринимаются в последние годы” [11, с. 90]. Казалось бы, такой подход может быть общим для социологии регионов и для географии. Во всяком случае методологические потребности в этих научных дисциплинах в общих чертах схожи. Особо ценной в информационном подходе к изучению региональных систем является его способность обеспечить исследование внутрисистемных процессов саморегулирования и самоорганизации. То есть информационный подход позволяет применять идеи синергетики к пространственным общественным системам. Он ориентирует исследователей на изучение путей передачи информации в системе [11, с. 18] с использованием таких понятий, как “информация”, “шум”, “обратная связь”, “контур обратной связи”. Обратная связь может быть положительной или отрицательной, а это, в свою очередь, ведет к формированию в системе либо самоусиливающихся (автокаталитических), либо конкурентных связей [11, с. 24–40]. Пространственные общественные системы относятся к высшей категории сложности. Это — “природно-социальные системы” [11, с. 55]. А.Арманд предложил все системы разделить на два класса — “дополнительные” и “однородные” [11, с. 44]. Примером первых является биологический организм, где органы не могут существовать без взаимной связи. Примером другого класса может быть лес, где отдельные деревья могут существовать и за его пределами. Сложным социально-географическим системам, к которым относятся и региональные, присущи обе характеристики. А.Арманд пишет: “Преимущества тех и других сочетаются в иерархических структурах, где между уровнями (“по вертикали”) реализуются дополнительные связи, а внутри уровня (“по горизонтали”) — однородные” [11, с. 100]. В нашем случае наличие политической формы региональной системы Украины, создаваемой государством, усиливает ее как информационную систему. Во взаимодействии регионов и центра реализуется принцип дополнительности, а в отношениях между регионами — принцип однородности. Следовательно, объединение этих принципов усиливает конкуренцию между регионами и одновременно ведет к формированию взаимозависимости их в рамках национального целого. Ин-

тенсификацию информационного взаимодействия между региональными полюсами Украины также можно понять в этом методологическом ключе. Через систему положительных и отрицательных связей формируются способы саморегулирования “организма” украинского социума в пространственном аспекте. Хотя опыт 2004 года и был драматичным и порой травматичным, однако он свидетельствует именно в пользу такого вывода.

Разумеется, это пока лишь общие рассуждения относительно возможности применения информационного подхода к изучению региональной системы. Социологам нужно дать социологическую интерпретацию не только названных понятий, но и таких, как “блоки управления”, “усилители”, “переключатели” и др. Но это имеет смысл и сможет послужить новым импульсом изучению элитных групп, систем коммуникации, в частности массовой коммуникации, и их роли в процессах саморегуляции и самоорганизации в пределах региональной системы Украины.

Серьезный толчок этим исследованиям могут дать идеи исторического этнолога С.Лурье. Она пришла к выводу о том, что продолжительность существования этноса связана с наличием функционального внутреннего этнического конфликта. Это понятие исследовательница позаимствовала у Л.Козера, считавшего, что конфликт между группами одного общества способствует становлению и сохранению идентичности и проведению границ этого общества. Отталкиваясь от этих представлений, С.Лурье утверждает, что “процесс самоструктурирования этноса осуществляется через внутренний этнический конфликт, а значит, модификация культурной традиции также связана с внутренним этническим конфликтом” [38, с. 159]. Далее она развивает это положение: “...характер взаимодействия между разными внутренними группами этноса определяется двумя следующими факторами: во-первых, адаптационной потребностью, а во-вторых, потребностью в выражении основных смыслов этнической культуры (ее “культурной темы”). И то, и другое требует от этнической организации постоянного динамизма. И то, и другое не может не приводить к постоянным внутриэтническим конфликтам, функциональным по своей сути. И то, и другое — и особенно этот единый процесс, являющийся выражением основной этнической “культурной темы” в изменяющихся условиях существования этноса, — выливается порой в целые мистерии, которые этнос разыгрывает внутри себя” [38, с. 258]. О “культурной теме” исследовательница пишет следующее: “Ее можно рассматривать как идеологему, имеющую определенное значительное количество вариаций и обычно связанную с религиозными положениями, которые исповедует этнос” [цит. по: 38, с. 442]. Примером такой культурной темы в России, по мнению Лурье, является идея “Москва — Третий Рим — Святая Русь” [цит. по: 38, с. 260–276]. С.Лурье проанализировала основные культурные темы финнов, турок, армян, англичан и др. Фактором функционального внутреннего для этноса конфликта она объясняет совместимость или несовместимость контактирующих народов: “В случае слишком близкого столкновения народов, имеющих разную структуру внутриэтнических конфликтов в сферах жизни, затрагивающих эту структуру, возникает противодействие, которое политологи безрезультатно пытаются объяснить внешними факторами” [38, с. 399–400]. Этнолог приходит к выводу, что наряду с функциональным в этнической системе могут разворачиваться также дисфункциональные конфликты. По ее мнению,

“дисфункциональную смуту вызывает появление внутри этноса какой-то ценностной ориентации, которая не может стать компонентой внутриэтнического процесса” [цит. по: 38, с. 361].

Под внутриэтническими группами как субъектами функционального конфликта исследовательница понимает социальные группы, часто генерализируя их как элиты и как народные массы. Правда, она не говорит о территориальных сообществах, однако представляется уместным поставить вопрос и в такой плоскости. В этом случае внутренний для этноса/нации функциональный конфликт будет частным случаем механизма саморегуляции и самоорганизации в рамках информационной системы.

Тогда по отношению к региональной системе Украины нужно задаться вопросом о том, является ли конфликтное взаимодействие между Донбассом и Галичиной проявлением функционального конфликта, способствующего самоорганизации украинской нации. На первый взгляд, основные культурные темы Донбасса и Галичины, отразившиеся в их общественных проектах, несовместимы. С другой стороны, у населения регионов, которое и является носителем несовместимых общественных проектов, в общественном мнении четко обозначилась ориентация на достижение исторического компромисса ради единства страны. В нашем исследовании тоже было зафиксировано, что на фоне осознания имеющихся противоречий между этими регионами жители Донбасса и Галичины выражают стремление к компромиссу (табл. 9, 10).

Таблица 9

**Распределение ответов на вопрос
“Существуют ли сейчас противоречия между Востоком и Западом
Украины и если они существуют, то на каком уровне?”, %**

№	Варианты ответа	Луганск, N = 363	Львов, N = 375	Стаханов, N = 300	Дрогобыч, N = 298	Села Луганщины, N = 100	Села Львовщины, N = 100
1	Противоречия существуют только между политиками, а на уровне населения их нет	30,6	42,9	26,0	47,3	22,0	54,0
2	Противоречия существуют как на уровне политиков, так и на уровне населения	45,5	43,7	52,7	37,6	57,0	29,0
3	Противоречия существуют на уровне населения, а не между политиками	7,2	4,3	6,7	2,3	3,0	2,0
4	Противоречий нет ни на каком уровне	0,8	0,8	3,7	1,3	–	–
5	Трудно ответить	15,2	8,0	9,7	11,1	16,0	15,0
6	Отказались отвечать на вопрос	0,8	0,3	1,3	0,3	2,0	–

Таблица 10

**Распределение ответов на вопрос
“К каким отношениям между Востоком и Западом Украины
нужно стремиться?”, %**

№	Варианты ответа	Луганск, N = 363	Львов, N = 375	Стаханов, N = 300	Дрогобыч, N = 298	Села Луганщины, N = 100	Села Львовщины, N = 100
1	Нужно стремиться к согласию через компромисс	66,7	56,0	59,3	56,4	72,0	48,0
2	Необходимо, чтобы ценности Восточной Украины распространились на Запад	10,7	1,3	13,7	2,0	5,0	2,0
3	Необходимо, чтобы идеалы Западной Украины победили и на Востоке	2,8	23,5	4,3	26,8	1,0	17,0
4	Трудно ответить	18,7	18,1	21,7	13,1	22,0	33,0
5	Отказались отвечать на вопрос	1,1	1,1	1,0	1,7	–	–

Однозначного ответа на все затронутые вопросы на основе имеющейся информации дать сейчас нельзя. Но социология регионов уже способна поднимать такие вопросы, ответы на которые могут приблизить Украину к достижению исторического компромисса между ее региональными полюсами. Этот компромисс может послужить предпосылкой для того, чтобы наша страна заняла достойное место в современном мире.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Характеристика выборочных совокупностей

Опрос 2007 года

Львов (N = 375): женщины — 52,7%; мужчины — 47,3%; люди в возрасте 18–29 лет — 26,4%; 30–59 лет — 51,5%; 60 лет и старше — 22,2%; люди с высшим образованием — 32,8%; со средним специальным — 22,1%; с полным средним — 32,5%; с неполным средним — 8,5%; с начальным — 1,6%; не дали ответа об образовании — 2,4%.

Луганск (N = 363): женщины — 54,5%; мужчины — 45,5%; люди в возрасте 18–29 лет — 25,9%; 30–59 лет — 51,5%; 60 лет и старше — 21,8%; люди с высшим образованием — 26,2%; со средним специальным — 22,6%; с полным средним — 34,7%; с неполным средним — 12,1%; с начальным — 4,4%.

Дрогобыч ($N = 298$): женщины — 52,3%; мужчины — 47,7%; люди в возрасте 18–29 лет — 25,8%; 30–59 лет — 53,7%; 60 лет и старше — 20,5%; люди с высшим образованием — 23,5%; со средним специальным — 22,8%; с полным средним — 35,2%; с неполным средним — 10,7%; с начальным — 3,7%; не дали ответа об образовании — 0,4%.

Стаханов ($N = 300$): женщины — 57%; мужчины — 43%; люди в возрасте 18–29 лет — 22,3%; 30–59 лет — 53,3%; 60 лет и старше — 24,3%; люди с высшим образованием — 18,3%; со средним специальным — 0,31%; с полным средним — 26,3%; с неполным средним — 12%; с начальным — 0,9%; не дали ответа об образовании — 3,3%.

Села Львовской области ($N = 100$): женщины — 52%; мужчины — 48%; люди в возрасте 18–29 лет — 24%; 30–59 лет — 46%; 60 лет и старше — 30%; люди с высшим образованием — 0,10%; со средним специальным — 0,21%; с полным средним — 0,34%; с неполным средним — 0,18%; с начальным — 17%.

Села Луганской области ($N = 100$): женщины — 56%; мужчины — 44%; люди в возрасте 18–29 лет — 20%; 30–59 лет — 0,46%; 60 лет и старше — 0,34%; люди с высшим образованием — 0,8%; со средним специальным — 0,23%; с полным средним — 0,36%; с неполным средним — 0,23%; с начальным — 0,10%.

Опрос 2005 года

Луганск ($N = 593$): женщины — 56,5%; мужчины — 43,5%; люди в возрасте 18–29 лет — 24,8%; 30–59 лет — 50,2%; 60 лет и старше — 0,25%; люди с высшим образованием — 22,8%; со средним специальным — 22,9%; с полным средним — 37,1%; с неполным средним — 12,8%; с начальным — 4,4%.

Дрогобыч ($N = 365$): женщины — 62,2%; мужчины — 37,8%; люди в возрасте 18–29 лет — 36,7%; 30–59 лет — 53,1%; 60 лет и старше — 10,2%; люди с высшим образованием — 0,52%; со средним специальным — 33,9%; с полным средним — 10,5%; с неполным средним — 3,4%; с начальным — 0,3%.

Литература

1. Ручка А.А. Исследовательские приоритеты украинской социологии // Проблемы розвитку соціології на сучасному етапі (теоретичні та методичні питання) : Матеріали міжнародної науково-практичної конференції. — К., 1994. — С. 9–15.
2. Давиденко Ю.О. Порівняльний аналіз результатів соціологічних досліджень ставлення громадян України до референдуму 1 грудня 1991 р. // Проблеми розвитку соціології на сучасному етапі (теоретичні та методичні питання) : Матеріали міжнародної науково-практичної конференції. — К., 1994. — С. 229–233.
3. Романюк А., Черныш Н. Восток — Запад: компромисс или конфронтация // Фило-софская и социологическая мысль. — 1995. — № 3–4. — С. 104–116.
4. Черныш Н., Маланчук О. Поколінські моделі особистісних ідентичностей: регіональні виміри // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : Збірник наукових праць. — Харків, 2003. — С. 254–260.
5. Czernysz N. Dynamika rozwoju tożsamości w Ukrainie. Przykład Lwowa i Doniecka, 1994 — 2004 // Nowa Ukraina. Zeszyty historyczno-politologiczne. — Kraków, 2006. — № 2. — S. 97–108.

6. *Стегний О.Г., Чурилов М.М.* Регионализм в Украине как объект социологического до-
следования. — К., 1998.
7. *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география : Понятийно-терминологиче-
ский словарь. — М., 1983.
8. *Джонстон Р.Дж.* География и географы. Очерк развития англо-американской со-
циальной географии после 1945 г. / Пер. с англ. под ред. Э.Б.Алаева. — М., 1987.
9. *Кононов И.Ф.* Проблема пространства в социологии // Вісник Харківського національ-
ного університету ім. В.Н.Каразіна. — 2004. — № 621. — С. 20–26.
10. *Кононов И.Ф.* Социология и проблемы пространственной организации общества
// Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — № 4. — С. 57–78.
11. *Арманд А.Д.* Самоорганизация и саморегулирование географических систем. —
М., 1988.
12. *Zarycki T.* Nowa przestrzeń społeczno-polityczna Polski. — Warszawa, 1997.
13. *Zarycki T.* Region jako kontekst zachowań politycznych. — Warszawa, 2002.
14. *Zarycki T.* Four Dimensions of Center-Periphery Conflict in the Polish Electoral
Geography // Social change. Adaptation and Resistance. Ed. by T.Klonowicz, G.Wieczor-
kowska. — Warsaw, 2002. — P. 19–38.
15. *Кононов И.Ф.* Социология регионов: предмет, методы и перспективы развития // Методологія,
теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : Збірник наукових праць. —
Харків, 2003. — С.126–130.
16. Development Issues in Marginal Regions (Processes, Technological Developments
and Societal Reorganizations) / Ed. by R.V.Singh, R.Majoral. — New Delhi, 1996.
17. *Пономарьов А.П.* Етнічність та етнічна історія України : Курс лекцій. — К., 1996.
18. *Кононов И.Ф.* Глобализация и регионализация в современном мире // Методологія,
теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : Збірник наукових
праць. — Харків, 2001. — С. 203–208.
19. *Сторонянська І., Шульц С.* Міжрегіональна інтеграція в Україні. — Львів, 2007.
20. *Кононов І.Ф.* Етнос. Цінності. Комунікація (Донбас в етнокультурних координатах
України). — Луганськ, 2000.
21. *Кононов И.Ф.* Донбасс: этнические характеристики региона // Социология: теория,
методы, маркетинг. — 2003. — № 2. — С. 72–98.
22. *Суїменко Є.І., Новікова О.Ф., Панькова О.В. та ін.* Донецький регіон у дзеркалі
економічної соціології. — К.; Донецьк, 2006.
23. *Франк А.Г.* Развитие неразвитости. —
<http://www.left.ru/2005/9/frank126.phtml?print>.
24. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века / Пер. с англ. под
ред. В.Л.Иноземцева. — М., 2004.
25. *Кононов И.Ф.* Донбасс и Галичина: межрегиональное взаимодействие и измене-
ния пространственных характеристик украинского общества // Методологія, теорія та
практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : Збірник наукових праць. —
Харків, 2005. — С. 276–287.
26. *Kononow I.* Donbas i Małuczyna: przyuczyny napiętych stosunków i poszukiwanie
kompromisu historycznego // Nowa Ukraina. Zeszyty historyczno-politologiczne. — Kraków,
2006. — № 2. — S. 81–96.
27. *Стегний А.* Региональный фактор развития политической культуры населения
Украины // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2005. — № 3. — С. 94–122.
28. *Кононов І.Ф.* Донбас та Галичина: причини напруженості в стосунках та пошук
історичного компромісу // Стосунки Сходу та Заходу України: минуле, сьогодні та
майбутнє. — Луганськ, 2006. — С. 5–27.
29. *Майерс Д.* Социальная психология / Пер. с англ. — СПб., 2000.

30. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. — М., 2004.
31. *Балакина Г.Ф.* Тувинские реалии перехода к рынку // Социологические исследования. — 1998. — № 6. — С.77–81.
32. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. — 2001. — № 1. — С. 6–16.
33. *Аарелайд-Тарт А.* Теория культурной травмы (опыт Эстонии) // Социологические исследования. — 2004. — № 10. — С. 63–72.
34. *Масалков И.К.* Социокультурная травма как объект социологии. — <http://www.lib.socio.msu.ru>.
35. *Кутуев П.* Методологические основания мир-системного анализа: парадигма Иммануила Валлерстайна и его школы // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2003. — № 1. — С. 45–59.
36. *Кутуев П.* Зависимость, недоразвитие и кризис в социологии развития недоразвития Андре Гундера Франка: критический анализ // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2003. — № 4. — С. 110–129.
37. *Кутуев П.* Мировая система как предмет социологического анализа: новая исследовательская программа Андре Гундера Франка // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2007. — № 2. — С. 17–35.
38. *Лурье С.В.* Историческая этнология. — М., 1997.